

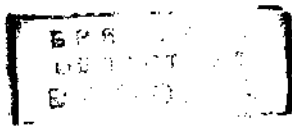
678
с-28

ОБЛАСТНОЙ ДОМ НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА

СЕГОДНЯ В НАШЕМ КЛУБЕ

СТИХИ,
БАСНИ,
ФЕЛЬЕТОНЫ,
ЧАСТУШКИ,
РАССКАЗЫ,
ПЬЕСА,
ПЕСНИ,

6072

Издательство
«БРЯНСКИЙ РАБОЧИЙ»
1962

47

Я глядел в него
до боли в глазах, до слез,
Гордый, взволнованный
и необыкновенно сильный.
Жаль, что я не знаю
языка звезд.

Я видел в небе
миллионы свечений.

Вспыхнул метеорит
и, оставив хвост,

Бежал, пораженный
величием Гения.

Жаль, что я не знаю
языка звезд.

Вот они смотрят
мне прямо в душу.

Кто я? Человек.
Я решил всерьез

Избороздить всю Вселенную.
Или струшу?

Я скоро познаю
язык звезд.

Творения рук моих —
в звездном мире,

И с ними мой голос,
и запах берез

Разливается в космосе
шире и шире...

Илья ШВЕЦ.

ДРУЗЬЯ И ЗЕМЛЯКИ

Счастлив я, что есть повсюду,
у любой родной реки,
дорогие сердцу люди —
вы,

друзья и земляки.

Не скупясь на километры

и на время не скупясь,

я лечу

навстречу ветру,

я хочу

увидеть вас.

С вами я душой богаче,
с вами —
трудное легко,
крепче верится в удачу
среди друзей и земляков.
Как привык часы с часами, —
чтоб верней шагать вперед,
сверю с вашими сердцами
сердца собственного ход.
Пусть расстанемся мы быстро,
но с добычей золотой:
высекаются, как искры,
мысли
этой быстротой.

А потом —
в края другие,
к сказкам дальней той реки,
где есть тоже дорогие
и друзья, и земляки.

А потом —
искать в конверте

вашей ласки,
ваших слов...

Разве можно жить на свете
без друзей и земляков?

К черту б пушки, бомбы эти,
поломать бы все штыки, —

пусть живут

на всей планете

лишь друзья да земляки!

Сергей ПЕТРУНИИ.

ДОЧЬ

Пришла с работы. Бесконечно рада.

— Поздравь меня, —

шагнула к маме, —

мам,

Я член коммунистической бригады,

Вот только-только дали званье нам!

Ведро воды не принесет, бывало,

Хоть говори ей, хоть не говори,

РАССКАЗ О ДВУХ ПРОРОКАХ

Пророки даже в древние времена были редким явлением. А тут вдруг объявилось сразу два и к тому же — в одном селе. Кузьма Иванович Пыленок приобщился к святому титулу после того, как был снят с должности колхозного кладовщика, а Иван Кузьмич Колтыго вошел в сонм святых прямо из единоличников.

Как ни странно, но пророки жили враждебно и постоянно подсиживали друг друга.

У каждого из них были свои ученики и поклонники. Иван Кузьмич, поблескивая черными очками и взбивая пятерней черную шевелюру, подстриженную под Тарзана, изрекал своим овцам:

— Пыленок пыль в глаза пускает. Не верьте ему: никакой он не пророк и даже не поп. Самозванец!

Не оставался в долгу и Кузьма Иванович. Собрав свою паству, он поносил Колтыго:

— Он и книг-то церковных читать не умеет, а иконы у него самодельные, и он торгует ими, антихрист окаянный!

Слушателей у них, разумеется, было не больше, чем шпедушных волосков на законченной лысине. Однако это не мешало двум лагерям вести холодную войну, а пенсионерки Евдокия и Акулина Авдошкины, которым обеим вместе перевалило за сто пятьдесят лет, частенько были на грани горячей войны, ибо первая уверовала в святость Колтыго, а вторая — в непогрешимость Пыленка.

— Где ты слышала, чтобы пророки самогонку хлестали, как твой Пыленок? — возмущалась старшая сестра Евдокия, с трудом залезая на печку. — Ты ему носишь рубли, а он их пропивает.

— А ты слышала, чтобы пророки бегали по бабам, как твой Колтыго? — шла в контрнаступление Акулина, укладываясь рядом с сестрой на теплые крипицы и толкая ее острым локтем. — А рублями меня не попрекай: ты, старая дура, не меньше носишь своему пророку-бабнику!

— Сама ты дура, богохульница! — выходила из себя старшая сестра. — И не толкайся, а то я тебе покажу..

Правда, Акулина частично сдавала свои позиции в споре со старшей сестрой. Весной, например, она согласилась отключить радио, хотя требовал сделать это не ее, а Дунькин пророк.

Несколько дней тому назад, когда после обеда пригрело солнышко, Евдокия вышла посидеть на завалинке. Она с грустью любовалась, как пожелтевшие листья клена, чуть шелестя, падали к ее ногам. Вдруг старушка встрепенулась и забарабанила в окно:

— Акулька! Иди глянь — твой пророк петляет!

Младшая сестра, бросив подметать пол, с Венником пошла к Евдокии.

Кузьма Иванович Пыленок, действительно, петлял. Казалось, будто незримое течение сносит его то влево, то вправо, и он кирзовыми сапогами выписывал в пыли зигзаги во всю ширину улицы. В правой руке у него был сверток, испачканный грязью, из-под завернувшейся тряпицы свертка виднелся корешок книги — это была библия, с которой Кузьма Иванович в последнее время почти не расставался. Пророк шел без головного убора. Его голова с короткой темно-рыжей жесткой щетиной напоминала ежа. И лицо было покрыто щетиной, но только еще более короткой и чуть посветлее. Среди этой рыже-белесой растительности возвышался распухший красный нос, напоминавший грушу бергамот.

Наткнувшись на телеграфный столб, пророк выругался так витисвато, что даже его поклонница Акулина вздрогнула и съезжилась. А Евдокия зашептала, злорадствуя:

— Слышала? Вот так святой угодник!..

Акулина совсем было опустила голову, но на ее счастье навстречу Кузьме Пыленку шел Иван Колтыго, который тоже был во власти незримого течения, сносившего его то вправо, то влево.

— Э, что ж ты мне, Дунька, голову морочила, что твой пророк непыющий? — всплеснула руками Акулина. — Гляди, какие кренделя выписывает!

Теперь старшая сестра заерзала на завалинке. А пророки между тем сближались, пока не столкнулись лицом к лицу.

— Прочь с дороги, молокосос! — вскричал Пыленок и ткнул библией в грудь Колтыго.

— А, это ты, старый прохвост! — изумился пророк младший, поправляя очки, съехавшие на кончик носа.

— Я — прохвост? — взвизгнул пророк старший.

— И еще какой! — подтвердил Колтыго, пытаясь удержать свое шаткое тело в равновесии. — Почему ты полез в попы и пророки? Я-то знаю — почему! За что сняли с кладовщика? Воровал! А рядовым поставили — не захотел — горб

святым прикинулся, чтоб полоумных старух обманывал.

— Не брешь, шенок, я и рядовым тружусь... в поте лица.

— Морда-то потная, а трудодней сколько? Тридцать за

— Не твое дело. Сперва поработай сам, а потом учи, индупей!

— Слышу от пьяной тыквы!

— А ты — трезвенник? — заревел Пыленок, надвигаясь на него.

— Ах, так! — завизжал тот, падая в канаву и увлекая за собой Пыленка. — Ты еще и драться лезешь? Вот же тебе, шенок, вот тебе!..

— Нет, тунеядец несчастный, на-ка сдачи! Да и придачи!

События между пророками в самом разгаре внезапно были прерваны. Хотя известно, что участковые милиционеры появляются в селах реже, чем пророки, но на этот раз случилось чудо: блюститель порядка не только оказался в нужном месте, но и к происшествию подоспел вовремя. Вместе с сестрами Евдошкиными и еще с одной старухой, прибежавшей на помощь, он связал драчунам руки и отвел их в сельсовет для составления протокола.

Пророки получили по пятнадцать суток каждый за мелкое правонарушение, а старушки-сестры перестали ссориться из-за этого. Теперь по вечерам, забравшись на печку, они опять слушают радио.

И. КИСЛИК.

ПОСТОРОННИЙ ПРЕДМЕТ

Рассказ

Иван Васильевич Гусев, директор хлебозавода, сидел в подавленном состоянии. Было из-за чего огорчаться: только что вышла из кабинета женщина, оставив ему на память буханку хлеба, в которой запечена красная, чуть ли не в пряник величиной пуговица от пальто. А вчера приходила девушка с запеченной в булке газетой. Есть ли гарантия, что завтра ему на стол не положат хлеб, из которого будет выглядывать журнал «Крокодил» или ключи от сейфа? Такой гарантии нет.

Гусев поднял трубку и позвонил заведующему производством.